

Я решаюсь обратиться к вам со своей писаниной и стесняюсь: чего это артисту влезать в серьезные вопросы? Да и вопросы мои вроде бы мелки.

С детства дома я был окружен щелканьем костяшек на счетах — в 20-е — 30-е годы отец, тетка, дядя, все были бухгалтерами, и, помимо работы, они дома продолжали щелкать на счетах.

К слову «обыватель» я отношусь очень уважительно. Во время войны в составе 4-го Украинского фронта я восстанавливал мосты в Прикарпатье, и часто нам помогали местные жители — поляки. В маленьких польских городках я бывал на митингах и слышал пронзительные выкрики-обращения агитаторов разных партий к собравшимся — «обыватели!». «Obywatele» — граждане, жители, горожане. И это звучало очень гордо.

Наши газеты полны статьями об экономике, в которых разъясняются отношения обывателей с хозяйственной политикой и финансами. Но на простые вопросы ответа не находишь. Всевозможные действия правительства — финансовые и экономические — наталкивают на мысль, что нас, обывателей, считают полными профанами в вопросах финансов. В этом есть что-то обидное и стыдное. И это началось давно. И я как старый человек хочу напомнить кое-что из прошлого.

Государственные займы

Отец мой служил бухгалтером в Госбанке СССР. В майские праздники, очевидно, в 1927 году он взял меня с собой в фургон (не помню уж, лошади были запряжены или был автомобиль), на котором были написаны призывы — «подписывайтесь на заем». Фургон проезжал по улицам рядом с демонстрацией. И отец агитировал подписываться на заем.

Сейчас уже не помню, но, возможно, и облигации сразу продавались. Это было тогда дело добровольное — кто хочет, кто нет. Охотников было много. А в доме среди прочих игрушек попадались и потерявшие цену облигации царские. Государству это начинание понравилось, тем более что помощь обывателей была нужна, и займы назывались то в честь индустриализации, то по названиям пятилеток. Они выходили ежегодно, и миллиарды рублей уходили в госказну, а подписчики получали из расчета 4 или 2 процента годовых в виде выигрышей, а потом остальные облигации погашались.

Какова выгода государства от вложенных денег — они же пускались в оборот, — никогда не разъяснялось. Шли годы — сумма отданных денег займы государству жителями страны росла. Постепенно подписная сумма превратилась в месячную зарплату, а иногда и полутора-двухмесячную. Вроде бы на соревнование мы все вызывали друг друга — кто больше любит государство. И так, мы работали в год 12 месяцев, а получали за 11. С 1927 по 1947 год — за 20 лет — значит, мы два года работали на государство бесплатно. Справедливо ли это? Началась война, и многие из нас значительное количество

во облигаций отдавали государству в фонд обороны.

Наступил 1947 год — денежная реформа. Цены на все товары, потребляемые по карточкам и в коммерческой торговле, установлены были по середине этих «больших» и «маленьких» цен. Заодно и обмен денег: 10 к одному. Нас убеждали: те, кто не имел ничего ни в сберкассе, ни наличными, пострадали не очень много, а в основном (и мы все радовались) — прижали «кубышечников», «воров», «мародеров» (не понимая, что настоящие хапуги — богачи давно уже обратили деньги в ценности материальные). На самом деле потерпели от этой операции

Заметки обывателя

ТАК СКОЛЬКО ЖЕ СТОИТ

по крохам все те же малоимущие, имеющие маленькие сбережения. Одновременно все ранее выпущенные облигации были обменены на один заем — выпуска 47-го года. Сколько на этом выиграло государство? Сколько при этом потеряли займодатели? Мы как-то даже на это не обратили внимания — «надо, так надо», неотоваренные деньги пошли прахом (ведь и инфляция тоже росла), и начались новые займы — опять, по крайнему счету, месяц работы в год бесплатно.

Мы понимали: страна в разрухе, надо помогать восстанавливать хозяйство. Подтянем пояса, напряжемся, подпишемся, ладно. И еще 10 лет, с 1947 по 1957-й, продолжались подписки — из 10 лет опять один год бесплатной работы на государство.

Но вот Н. С. Хрущев отменил новые займы, а заодно и заморозил розыгрыши, то есть выигрыши из расчета 2 процента или 4 процента перестали отдавать подписчикам. В руках государства огромные оборотные средства. Если бы они были на вкладе в сберкассе — мы бы были маленькими «рантье». Мы и не заметили, что нас опять облапошили, и опять были рады — ура! — больше нет подписки на заем.

Проходит 20 лет, и государство начинает выкупать облигации. Ура! Наконец-то отдадут. Министерство финансов и государство делают вид, что это очень трудно, что они осуществляют благотворительную акцию — вроде как бы подарок обывателям. Совсем как по пословице о том, как трудно отдавать деньги, взятые займы: «Берешь чужие, а отдаешь свои». И никому вроде невдомек, что за это время государство «зажилило» выигрыши, это раз. А, во-вторых, деньги, пущенные в оборот, прине-

сли большие доходы, если считать даже не из 6 процентов, которые были по срочному вкладу, а из 2—3 процентов. Замороженные для подписчиков деньги увеличились в два раза по простейшему арифметическому подсчету (как говорили в старину — «По Маленину — Буренину» — таковы были авторы учебника арифметики). Отдали все по цене в 10 раз меньшей, учитывая реформу 1961 года (а цены потребительские за это время потихонечку росли да росли). И, наконец, обменяли все облигации — опять мы рады — все-таки отдали нарицательную стоимость.

Благотворительство это или тихий грабеж?

Хорошо, что хоть до реформы 1.1V.91 года отдали, а то бы совсем стыдно было.

Опять нас принимают за профанов? Хоть бы извинения нам, подписчикам облигаций, принесли. Ну да что там, дела давно минувших дней!

это нужны деньги. Но через несколько лет это возместилось. Уже 30 лет прошло — куда пошли наваристые деньги у Минсвязи? Минсвязь опять жалуется на плохую оплату связистов. Ау, связисты, что вы с этого имели?

Трамвай стоил 15 копеек, стал — 3 копейки. Мелочь, чепуха, но ведь тоже деньги. Никита Сергеевич говорил, что до реформы за уроненной копеейкой не нагибаются, не поднимают, а теперь копейка — бывший гривенник, стоит того, чтобы ее поднять. Но мы — русский народ — широкой души, постепенно опять перестали поднимать бывший гривенник.

И, наконец, вопрос серьезный — о спичках, потому что он связан с затратой древесины. До реформы они стоили 1 копейку за коробку и после реформы тоже копейку. Чепуха — копейка, мы на этом не обеднеем, тем более что медные деньги сохранились. Но

Больной вопрос для читающего народа

После реформы 1961 года почтовые открытки, конверты, марки, сама ценность перевода и пересылки почтовых отправлений дорожали и дорожали. То на 1 копейку давали две открытки, потом одну; отправления авиапочтой, заказные, простые различались, затем все стало усреднено. И все время бывший наркомпочтель жаловался на трудности. Конверты, правда, стали несколько лучше по качеству, но доставка писем все ухудшается и ухудшается. Как будто везут ее по старинному, «на перекладных» лошадах.

Теперь о том, как нас и здесь «облапошивают». На протяжении двух лет замминистра выступает с заявлениями о том, что оплата труда работникам связи не повышалась с 1939 года. Это что, у министерства нет памяти на столь недавние события?

В 1980 году, если вспомнить хорошенько, цена на печатные издания (кроме книг, которые с 1961 г. дорожали понемногу, ползуче), газеты и журналы повысились. Газеты стали стоить 3, 4, 5 копеек, в зависимости от количества полос. И подскочила цена журналов: «Новый мир» стоил 70 копеек, а стал стоить 1 руб. 20 коп. Вроде незначительно — но это на 50 проц. прежней цены на газеты, на 75 проц. — журналов. И тогда нам, лопухам, объясняли это ценой бумаги, а главное, сказали, что будет поднята зарплата работникам связи. Ау, где же эти деньги? И, наконец, повышение цен в 1990—1991 году. Откуда что взялось?

Об уважении к денежной единице

Тут на днях в газете журналист издевался над человеком, который не понимает, почему наш рубль неконвертируемый. А я вот тоже теряюсь в догадках — какова же весомость нашего рубля, который так обидно кличут деревянным. Мне неоднократно (правда, очень редко) пришлось побывать в тех странах, которые устойчивы в валюте. Я не могу сравнивать уровни промышленного производства, а обращусь к житейским, обывательским наблюдениям. Перед выездом я все время слышал разговоры о том, что еда за границей дорогая. Ездил и наблюдал. Перед отъездом из Лондона захожу в маленькую лавчонку купить хорошего английского чая. Купил 2—3 сорта (коробочка красивая, чай тоже вкусный, разнообразный) — что же? Стоил 100-граммовый цибик 95 пенсов (так же, как и наш индийский — 95 копеек). Так вот я и думаю: и чего это наш рубль неконвертируемый? И почему установленный бешеный курс доллара должен быть разумным. Я понимаю, что для крупных спекулятивных сделок, наверное, это правильный курс. А для среднего человека, который не спекуляцией хочет заниматься, а посмотреть, узнать людей и страны, и которому просто поест надо 100 граммов колбасы, платить по этому курсу — безумие.

Хотелось бы получить ответы на обывательские вопросы.

Ю. КАТИН-ЯРЦЕВ.

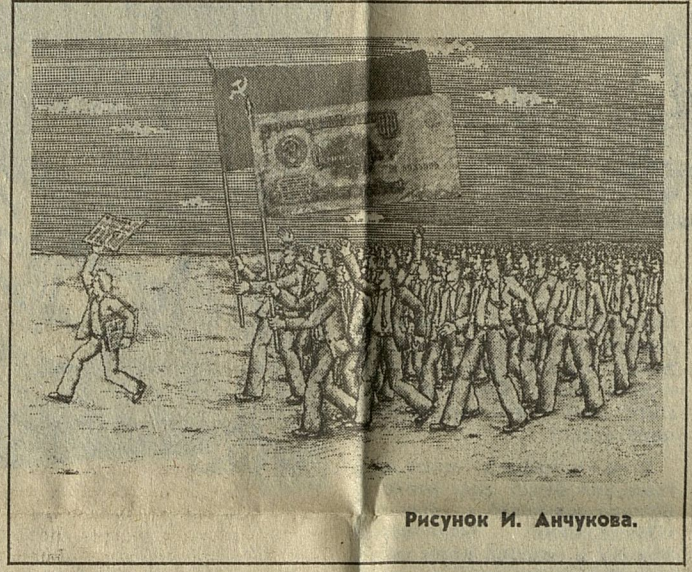

Рисунок И. Анчукова.

КОПЕЙКА?

О некоторых мелочах, сопутствующих денежной реформе 1961 года

Благородная цель была у Н. С. Хрущева — сделать рубль увесистее доллара. Провели ее и радовались очень — доллар стоит наших каких-то 50—60 копеек. У нас вроде самая устойчивая валюта. Время показывает, что это не так, ну да ладно. Обменяли мы деньги, опять гордые собой. Даже некоторую фору имели те, у кого было много медных денег: они ведь остались в прошлой цене — новых не чеканили.

Но некоторые товары ввиду маленькой стоимости незаметно повысили свою престижность и стали стоить дороже.

Телефонные автоматы были 15-копеечные до реформы, после — 2 копейки (то есть старые 20). Подумаешь, потеря — полкопейки новыми! Получка! Конечно, надо было переоборудовать, установить новые телефоны-автоматы — на

мы и не заметили, что цена спичек выросла в 10 раз.

Поначалу было даже несколько стыдно, и приснилось мне это или нет, но вроде бы два коробка давали за копейку.

И что же, спички стали теперь лучше? Превратились в красивый предмет, как на Западе? Оригинальнее этикетки стали? Нет, наборы с оригинальными этикетками выпускали в коробке и за хорошую цену — для любителей.

Конечно, спичечных заводов у нас немного, дивиденды не такие уже большие. Но все-таки куда они девались — эти в 10 раз большие доходы? По самым скромным подсчетам, это примерно 100 млн. рублей в год. А за 30-то лет? Стали платить лесозаготовителям большую зарплату? Модернизировали заводы?

Теперь дошло до того, что еще в 5 раз увеличили цену. Ау, спичечные заводы, как у вас там, улучшилась жизнь? И почему спички превратились в дефицит?